

ФОРМИРОВАНИЕ СОЦИАЛЬНЫХ ФАКТОРОВ ТОРМОЖЕНИЯ ИННОВАЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

А.И. Колганов,

заведующий лабораторией по изучению рыночной экономики экономического факультета
Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова,
доктор экономических наук, профессор
buzgalin@mail.ru

В статье исследуются социальные факторы, оказывающие тормозящее воздействие на модернизацию экономики России на инновационной основе.

Ключевые слова: российская экономическая модель, социальные проблемы, социальные группы, инновационное развитие

УДК 330.145 ББК 65.291.572

Экономическая система общества оказывает определяющее влияние на формирование социальных групп и на мотивы их экономического поведения. В свою очередь, социальные отношения, институты и стереотипы поведения существенным образом влияют на протекание процессов в сфере экономики. Инновационная деятельность в этом смысле не является исключением — инновационная активность и эффективность усилий в области инноваций во многом зависят от социальной обстановки.

То значение, которое приобретает инновационное развитие в качестве необходимого источника роста российской экономики, находится в очевидном контрасте с недостаточной результативностью усилий, предпринимаемых в этом направлении. Мне уже приходилось писать о тех проблемах инновационного развития, которые определяются специфическими чертами современной российской экономической модели [7]. Однако немалое влияние социальных факторов также требует своего анализа. Понятно, что нас должны интересовать те из них, которые оказывают тормозящее воздействие на инновационное развитие.

Поскольку инновационные процессы находятся в прямой зависимости от состояния человеческого потенциала, то любые проявления социального неблагополучия создают препятствия для развертывания инновационных процессов. Это не значит, что наличие в обществе социально неблагополучных групп или регионов делает инновационное развитие невозможным — пример США доказывает обратное. Тем не менее, такое неблагополучие все же сужает инновационные возможности, особенно в тех случаях, если в обществе начинает распространяться атмосфера социальной тревожности.

Для российской общества характерно существенное влияние тех изменений в экономической системе, которые произошли в начале 90-х годов, на социальную обстановку в обществе. На нее воздействовали не только перемены в экономическом строе, но и изменения в уровне экономического развития. Поскольку к настоящему времени уровень экономического развития, характерный для периода начала реформ, в основном восстановлен, современную ситуацию в социальной сфере можно рассматривать как индикатор воздействия перемен именно в самом экономическом строе.

Одной из наиболее общих характеристик социального состояния государства являются демографические показатели. Если обратиться к показателям ожидаемой продолжительности жизни, то динамика ситуации в Российской Федерации предстает следующим образом (см. табл. 1):

После провала в начале 90-х годов общая продолжительность жизни в 1995–2005 годах стабилизировалась на низком уровне (64,5 — 65,4 года), а затем начала увеличиваться, к 2011 году достигнув уровня 1990, а в 2012 — превзойдя его. Таким образом, что при весьма высоких человеческих издержках перехода к новой экономической системе она, в общем, нейтральна (не лучше и не хуже предыдущей) по критерию продолжительности жизни. Этот вывод подтверждается тем, что за более чем двадцать прошедших лет практически никак не изменилась такая особенность демографической структуры, как

разница в продолжительности жизни мужчин и женщин, которая примерно вдвое превышает уровень, характерный для развитых стран [23].

Однако более детальный анализ демографических показателей, в частности, обращение к коэффициентам смертности в зависимости от причин (см. табл. 2) несколько меняет этот общий вывод.

Можно заметить, что тенденция к неуклонному снижению смертности от инфекционных и паразитарных болезней, прослеживаемая на всем интервале 1965–1990 годов, сменилась вспыхкообразным (более чем двукратным у мужчин, и чуть менее чем двукратным, у женщин) ростом, и даже некоторые успехи по снижению смертности мужчин от этих причин, достигнутые после 2005 года, все же не привели к 2012 году к достижению дореформенных показателей (смертность по данной причине остается в 1,8 раза выше). Смертность от болезней органов кровообращения в советский период росла, начав снижаться только во второй половине восьмидесятых (при очень схожей динамике у мужчин и женщин). Затем последовал быстрый рост смертности по этой причине, сменившийся с 2003 года некоторым снижением. Однако показатель 1990 года пока не достигнут. Примерно так же вели себя коэффициенты смертности от внешних причин. В советский период они постепенно росли, а после 1980 года начали медленно снижаться. С началом реформ происходит скачкообразный рост (в интервале 1995–2003 гг. для мужчин этот показатель держится на уровне в 1,7–1,8 раза превышающем уровень 1990 года), затем некоторое снижение, не позволяющее, однако, достичь уровня 1990 года. У женщин этот коэффициент значительно ниже, однако динамика его роста в период реформ близка к мужской. Впрочем, в 2012 году этот коэффициент опустился точно до уровня 1990 года.

Такая картина смертности свидетельствует о факторах социального неблагополучия — тяжелых условиях труда и быта части населения, высоких нервно-психических нагрузках, росте численности маргинальных слоев населения. Так, в России удельный вес работников, занятых в производствах с вредными и опасными условиями труда возрос за период с 2004 (год пере-

Таблица 1

Ожидаемая продолжительность жизни при рождении

Годы	Все население		
	всего	мужчины	женщины
1990	69,19	63,73	74,3
1995	64,52	58,12	71,59
2000	65,34	59,03	72,26
2001	65,23	58,92	72,17
2002	64,95	58,68	71,9
2003	64,84	58,53	71,85
2004	65,31	58,91	72,36
2005	65,37	58,92	72,47
2006	66,69	60,43	73,34
2007	67,61	61,46	74,02
2008	67,99	61,92	74,28
2009	68,78	62,87	74,79
2010	68,94	63,09	74,88
2011	69,83	64,04	75,61
2012	70,24	64,56	75,86

Источник: [26]

Таблица 2

Коэффициенты смертности по основным классам причин смерти

Годы	Некоторые инфекционные и паразитарные болезни		Болезни системы кровообращения		Внешние причины	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины	мужчины	женщины
1965	47	20,5	273,5	378,9	160,7	38,7
1970	37,1	13,5	345,6	468,7	217,2	48,9
1975	32,9	11,9	411	560,8	242,9	57,7
1980	31,9	10,9	485,5	662,1	279,4	67,9
1985	26,9	9	509,9	745,7	226,4	61,7
1990	19,5	5,6	509,5	714,9	220,3	58,1
1995	35,4	7,8	730,1	844,2	395,2	97,1
2000	43,9	8,2	801,6	885	367,6	88,6
2001	42,7	8,2	830	894,8	383,1	93,8
2002	44,6	9	882,6	928,3	393	97,7
2003	44,9	9,4	912,6	940,5	390,2	97,5
2004	44,1	9,7	889,7	897,4	379,9	94,6
2005	46,3	10,7	904,4	906,3	370,3	90,4
2006	42,4	10	843,5	876,7	331,3	82,7
2007	40,3	10,2	809,2	847,7	305	75,6
2008	40,5	10,1	812,2	846,9	287,3	71,5
2009	39,5	10,5	778,2	811,4	262,3	67
2010	38,2	10,9	784,9	824,9	253	64,8
2011	37,9	11,2	735,1	768,3	232,2	59,6
2012	35,6	11	714,7	756,5	225	58,1

Источник: [25]

хода с классификатора отраслей экономики на классификатор видов экономической деятельности) по 2010 гг. в организациях по добыче полезных ископаемых на 23,7% у мужчин и 35,1% у женщин, на предприятиях обрабатывающих производств на 25,2% у мужчин и 31,5% у женщин, в строительстве, соответственно, на 70,2% и 48,3%, на транспорте на 63,3% и 93,8% и др. Доля занятых на тяжелых работах в РФ возросла за эти же годы на 93,2% у мужчин и в 2,65 раза у женщин [3, 74].

Особенно сильно выделяется смертность в трудоспособных возрастах, главным образом, среди мужчин, значительно превышая показатели развитых стран. При этом существуют обоснованные сомнения в релевантности официальной российской статистики заболеваемости [3, 78–80, 62–63].

Исследования демографических показателей в региональном разрезе рисуют значительно более удручающую картину. При общей позитивной динамике показателей смертности (в том числе материнской и младенческой) в последние годы, в целом ряде регионов отмечается рост этих показателей, причем подчас весьма значительный, а сами показатели достигают абсолютных величин, свойственных наиболее отсталым странам мира. Идентичное положение и с показателями общей продолжительности жизни — в ряде регионов происходит ее снижение до величин, свойственных слаборазвитым странам [14, 24–27].

Такая ситуация непосредственно не угрожает перспективам инновационного развития в относительно более благополучных регионах. Однако она, так же как и серьезные проблемы с уровнем смертности по ряду причин, свидетельствует о симптомах неблагополучия как в общих условиях жизни и деятельности российского населения, так и в состоянии системы здравоохранения. В условиях, когда стратегия развития системы медицинской помощи определяется Министерством финансов, которое настаивает на дальнейшем сокращении и без того беспрецедентно низких даже для среднеразвитых стран расходов на здравоохранение, трудно ожидать какого-либо прогресса в этой области. В 2013 году на развитие здравоохранения должно быть выделено из бюджета 2,32 трлн руб., или 3,4% ВВП; в 2015-м — 2,48 трлн руб., или 3% ВВП; в 2020 году — 3,4 трлн руб., или 2,5% ВВП. Программа модернизации здравоохранения к 2020 году, разработанная Минздравом,

требует увеличения финансирования до 5,5% ВВП. Цена вопроса — 1 млн 100 тыс. сохраненных (или не сохраненных) жизней наших граждан [30].

Итак, ситуацию в области демографических тенденций и уровня здоровья населения нельзя назвать слишком уж скверной. Однако потерянные двадцать лет всего лишь более или менее вернули нас в этой области на дореформенный уровень (и то далеко не по всем показателям), в то время как другие страны ушли далеко вперед. Тем самым эта составляющая человеческого потенциала российской экономической модели никак не может быть отнесена к числу наших преимуществ в необходимой для нас гонке за инновациями.

Не слишком радужной выглядит ситуация и с точки зрения такой социальной характеристики, как уровень и качество образования российских граждан. Наряду с несомненными позитивными тенденциями (рост удельного веса студентов, некоторое повышение заработной платы в системе просвещения после провала 90-х годов прошлого века), здесь приходится констатировать и негативные процессы. Так, и не устранены последствия разрушения системы начального профессионального образования, значительный масштаб приобрели некачественные образовательные услуги в высшем образовании, произошло повышение нагрузки на педагогов в школьном образовании, появился слой детей (сотни тысяч, а, возможно, и больше на порядок), остающихся вообще вне системы образования, и ряд других. В общественном мнении утвердилось убеждение в продолжающемся падении качества образования. Это — одно из следствий заниженного уровня расходов на образование в российском ВВП по сравнению с аналогичным уровнем в развитых странах. [5, 117–121] [6, 122]. Такое положение прямо вытекает из особенностей российской экономической системы, в рамках которой, при всеобщем жалобах на нехватку квалифицированных кадров, бизнес предъявляет весьма ограниченный реальный спрос на очень узкую группу специальностей. В результате бизнес не торопится вкладывать средства в образование — ни непосредственно, ни опосредованно, через государственный бюджет, отстаивая в структуре последнего иные приоритеты.

Еще одним общим показателем социального состояния общества является дифференциация доходов населения. Будучи необходимым фактором функционирования рыночной экономической системы, социальная дифференциация имеет свои пределы, за которыми ее стимулирующее воздействие превращается в свою противоположность. Когда социальная дифференциация формируется независимо от реального экономического вклада человека, это ведет к формированию негативной реакции, росту ощущений социальной несправедливости.

Следствием произошедших за последние два десятилетия изменений в российской экономической модели стал двукратный рост неравенства в распределении работников по заработной плате [9, 31]: в 1990 г. коэффициент фондов составлял 7,8 [11, 111], а в 2010 г. — 14,4 раза [13, 128]. Значительно вырос и коэффициент Джини (индекс концентрации общего объема заработной платы), соответственно, с 0,317 [11, 111] до 0,413 [13, 128]. Еще сильнее, чем дифференциация заработной платы, проявили себя различия в распределении совокупных доходов населения. За период 1992–2012 гг. значение коэффициента фондов выросло более чем в два раза (в 2,1 раза). Если в 1992 г. доходы наиболее обеспеченного населения превышали доходы наименее обеспеченного в 8 раз, то к 2013 г. — уже в 16,4 раз [12, 130] [9, 176] [27].

Не оспаривая имеющуюся официальную статистику дифференциации доходов, хотел бы заметить, что имеющиеся данные налоговой статистики заставляют взглянуть на проблему несколько иначе. Статистика Росстата в значительной мере не улавливает данные о доходах крайних групп — наиболее богатых и наиболее бедных. Налоговая же статистика отчасти исправляет первый пробел. По статистике Федеральной налоговой службы (данные, которые граждане предоставляют в службу в декларациях по налогам на доходы физических лиц), в 2011 г. доходы более миллиарда рублей задекларировали 416 человек, свыше 10 миллиардов рублей — 27 человек. В 2010 г. о доходах

Заболееваемость в группах с разным уровнем доходов (в %)

Заболевания	Уровень доходов			Все-го
	высокий	средний	низкий	
Остеохондроз	27,2	36,6	45,6	32,2
Гипертоническая болезнь и/или ишемическая болезнь сердца	21,5	32,2	41,2	27,0
Артрит	7,1	12,9	21,2	10,5
Холецистит	7,6	13,4	12,8	10,0
Бронхит	6,9	9,2	20,8	8,9
Патология щитовидной железы	6,5	8,5	10,6	7,5
Язва желудка и/или двенадцатиперстной кишки	5,0	8,5	8,4	6,7
Мочекаменная болезнь	4,6	7,2	7,5	5,8
Диабет	1,4	5,3	7,5	3,4
Астма	1,2	2,7	7,5	2,5

Источник: [19]

— сокращение доли трудовой части в совокупном доходе работника, что сигнализирует об усилении апатии к труду, снижении его престижности со всеми вытекающими последствиями для общества;

— чрезмерная, необоснованно завышенная дифференциация в оплате труда» [20].

Что для России характерна «огромная экономическая и социальная дифференциация в оплате труда, необоснованная с позиций количества и качества труда», отмечается и в статье И.Е. Бегловой [18].

Специальное исследование, проведенное для изучения факторов дифференциации заработной платы, дает следующую картину (см. Рис. 1).

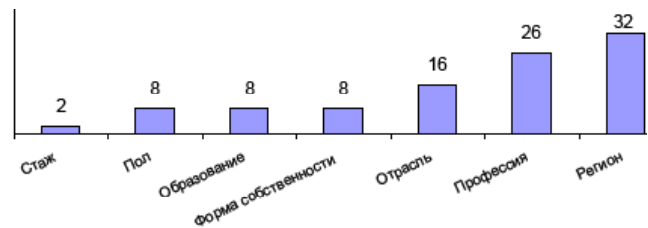

Рис. 1. Основные факторы дифференциации заработной платы в России (в %)

Источник: [4, 531–533].

Именно дифференциация доходов населения выступает одной из причин субъективного ощущения социальной несправедливости. Притом, что общий уровень доходов граждан России через двадцать лет после начала рыночных реформ, наконец, превысил дореформенные показатели, это общее улучшение реально затронуло меньшинство населения. За 20 лет рыночных реформ 40% населения проиграло: уровень реальных доходов 20% самых бедных упал в 1,45 раза (сравниваются 1990 и 2009 годы), еще у 20%, примыкающих к самым бедным — в 1,2 раза. У каждого пятого россиянина он остался таким же, как накануне распада СССР. Доходы 20% самых обеспеченных выросли вдвое, еще 20% — на четверть [16].

Понятно, в такой ситуации население расценивает современное российское общество как несправедливое — и само по себе (68% опрошенных, против 12%, давших противоположный ответ), и в сопоставлении с западным обществом (42% против 14%), и в сопоставлении с советским прошлым (50% против 20%). При этом следует отметить, что характеристика российского общества как несправедливого преобладает в любых половозрастных группах, в группах с любой политической ориентацией, в любых доходных группах, в группах с любым местом проживания, а так же среди пользователей Интернета [17].

от миллиона до 10 миллионов рублей заявило 318 тысяч граждан. Налоговые декларации, в которых показана сумма дохода от 10 до 100 миллионов рублей, подали более 25 тысяч человек, от 100 до 500 миллионов — более 4 тысяч, от 500 миллионов до миллиарда — 579 граждан [1]. Оценки, которые можно сделать на основе данных налоговой статистики за 2011 год [29] [28], позволяют предположить, что реальная концентрация доходов в высокодоходных группах существенно выше, чем это можно уяснить из данных Росстата. Кроме того, расчеты, произведенные на основе данных налоговой статистики, показывают, что отношение налоговых выплат к располагаемым доходам у населения, получающего доходы от предпринимательской или иной приносящей доход деятельности, значительно (почти вдвое) ниже, чем пресловутые 13% [21] [22]. Таким образом, налоговая система России служит перераспределению доходов в пользу высокооплачиваемых групп населения.

Неблагоприятно для низкооплачиваемых слоев населения складываются и тенденции динамики розничных цен. Индекс цен для самой низкодоходной группы потребителей растет быстрее, чем для самой высокодоходной (см. табл. 3)

Таблица 3

Индексы потребительских цен для 10-процентных групп населения*

	2002	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011
<i>Все товары и услуги</i>								
первая группа (с наименьшими располагаемыми ресурсами)	116,6	112,3	109,8	115,1	115,8	109,3	111,8	106,0
десятая группа (с наибольшими располагаемыми ресурсами)	114,4	109,8	108,3	110,0	111,4	108,4	107,1	105,8
из них:								
<i>продовольственные товары</i>								
первая группа	110,9	108,6	108,2	118,0	117,7	105,0	114,7	103,1
десятая группа	11,3	109,7	109,2	114,4	115,8	106,6	111,7	104,2
<i>непродовольственные товары</i>								
первая группа	111,6	107,1	107,1	107,8	111,0	112,6	106,1	108,2
десятая группа	110,1	105,9	105,5	105,8	106,5	108,6	104,7	105,6
<i>услуги</i>								
первая группа	140,8	126,2	115,5	114,2	115,4	115,8	110,7	109,9
десятая группа	133,6	118,7	113,2	112,9	116,6	109,9	106,7	108,2

* По материалам выборочных обследований бюджетов домашних хозяйств.

Источник: [9, 672].

Дифференциация доходов служит и одним из источников неблагоприятных демографических тенденций. В низкодоходных группах фиксируется заметно более высокий уровень заболеваемости: в два-три, а по отдельным заболеваниям — и в пять раз (см. табл. 4).

Значительная социальная проблема для инновационного развития заключается даже не в слишком высоком уровне дифференциации доходов населения самом по себе, а в характере тех факторов, которые влияют на формирование различий в оплате труда. Как показано в докторской диссертации М.С. Токсанбаевой, существующая дифференциация оплаты труда оказывается завышенной по факторам, не зависящим от трудовых усилий и квалификации работника, и заниженной с точки зрения учета трудового вклада и квалификации [15, 26–35]. Аналогичные наблюдения делают и другие исследователи, отмечающие как недостаточный уровень оплаты труда, так и его неоправданную дифференциацию:

«— резкое падение стимулирующей роли оплаты труда в развитии экономики страны, объемов производства на предприятиях, неэффективная реализация физических и интеллектуальных способностей работников;

Такие субъективные ощущения служат серьезным препятствием для мобилизации как в целом трудовой, так и, в особенности, инновационной активности людей.

На социальное самочувствие россиян влияют и другие проблемы, анализ которых не поместится в рамки статьи, но упомянуть о которых следует. В России сложились весьма низкие темпы решения проблемы жилищной обеспеченности, причем для низкодоходных групп населения возможность решения этой проблемы попросту заблокирована. Жилищная проблема крайне затрудняет внутрисоциальную трудовую миграцию, которая приобретает в силу этого в значительной степени нелегальные формы, и затрагивает главным образом те группы населения, которые вынуждены к этому крайней необходимостью. Понятно, что это не имеет ничего общего с той мобильностью, которая необходима для обеспечения инновационной подвижности населения.

Серьезные социальные проблемы связаны и с социально-психологической атмосферой в обществе. Отмечу только одну ее составляющую — получивший в последние два десятилетия широчайшее распространение культ индивидуального успеха, причем практически единственным критерием такого успеха рассматривается достижение возможно более высокого материального благополучия. Прямая и косвенная реклама престижного потребления полностью затмевает любые успехи в иных сферах, даже когда речь идет о людях творческих профессий. В сочетании с несправедливой дифференциацией оплаты труда такая социальная атмосфера определяет резкое падение престижа труда и творческой деятельности.

В заключение сделаю краткий, тезисный обзор специфичности положения различных социальных и социально-профессиональных групп в российском обществе с точки зрения возможностей проявления их активности в инновационном процессе.

Особенностью начальной стадии формирования предпринимательского класса в России являлась привязка социального статуса предпринимателя к перераспределению государственной собственности и бюджетных ресурсов. Совершавшееся в условиях высокой неопределенности правового режима, это перераспределение до сих сказывается в области гарантии прав собственности и состояния хозяйственного (налогового, таможенного и т.д.) права вообще. Эта ситуация неизбежно оказалась связана и с высокими административными барьерами для бизнеса, и вытекающей отсюда коррупцией.

Фактически на начальном этапе реформ была сделана ставка не на создание эффективного собственника, а на формирование сервильного по отношению к бюрократии социального слоя, которому гарантировалась полубесплатная раздача ресурсов в обмен на политическую поддержку. Эта цель не афишировалась, но особо и не скрывалась. Сейчас долгосрочные издержки, связанные с превращением политической тактики в стратегическую линию, осознаются, но исправление ситуации идет очень медленно. Между тем сложившиеся в период формирования предпринимательства стереотипы экономического поведения закрепились. Среди этих стереотипов — создание гарантий удержания фирм во власти собственника путем вывода финансовых потоков под контроль специальных структур и создания системы мелочной опеки всей системы управления фирмой сверху донизу (т.н. феномен инсайдерского контроля, ведущий к образованию инсайдерской ренты, что сокращает инвестиционные ресурсы предприятия) [2, 219–221, 346–348, 366–367].

Высокие риски и барьеры предпринимательской деятельности сформировали ориентацию на краткосрочные цели, достижение результатов быстро и любой ценой (*short-termism*). Стремление к избежанию рисков ведет так же к выводу капиталов из-под российской юрисдикции. Все это результируется в низком уровне инвестиционной активности, сдерживающем осуществление инновационных проектов. Боязнь долгосрочных проектов из-за связанных с этим рисков неизбежно ведет и к приоритету покупки готовых технологий (в подавляющем большинстве случаев — за рубежом) перед вложениями в самостоятельную ее разработку.

Такая социально-профессиональная группа как менеджеры, будучи зависимой от неформальных правил игры в корпорациях, вынуждена приспосабливаться к обрисованной выше манере ведения бизнеса. Поскольку лояльность собственнику ставится нанимателем выше квалификации и даже выше эффективности, то менеджеры немедленно перенимают транслируемую сверху боязнь рисков, если только они не приносят немедленных сверхприбылей. Обратной стороной жесткого контроля над управляющими ради полного контроля собственника над финансовыми потоками и извлечения инсайдерской ренты, является стремление менеджмента, в свою очередь, извлекать аналогичную ренту в обход собственника и в ущерб ему. Если собственник подчас, ради извлечения инсайдерской ренты готов разорить собственную фирму, то почему менеджер должен вести себя иначе?

Велики оказались издержки массовой поспешной подготовки менеджеров, экономистов, бухгалтеров, юристов низкого качества. Неизбежная в условиях такой поспешности ставка на быстрое овладение навыками осуществления шаблонных операций реализовалась в ущерб фундаментальным знаниям и самостоятельному творческому подходу. Жесткие формы контроля, навязываемые собственником, в сочетании с низким уровнем подготовки менеджмента привели к господству к архаичных, примитивных форм управления (дофордистский уровень), особенно в части управления персоналом — сверху донизу. Такой стиль управления совершенно не пригоден для осуществления и поддержки творческих разработок, он просто противопоказан инновационной деятельности.

Не внушает оптимизма с точки зрения перспектив вовлеченности в инновационный процесс и положение такой социальной группы, как наемные работники. Хотя доля оплаты труда в ВВП в настоящее время несколько увеличилась по сравнению с 90-ми годами прошлого века, и примерно соответствует уровню развитых стран, высокая дифференциация оплаты труда, о чем упоминалось выше, приводит к резкому отклонению медианного и модального дохода от средних величин. Это означает, что наибольшая часть наемных работников получает заработную плату заметно ниже средней. Хотя я не располагаю данными о соответствующих величинах именно по заработной плате, они, вероятнее всего, близки по значению к показателям, рассчитанным по всему доходу. Так, в 2012 году месячный среднедушевой доход составлял 22 954 рублей, медианный — 16 935, а модальный — 9218 рублей [24]. Расхождения этих величин характерны для всех государств, но в России они значительно больше, чем в любой из развитых стран.

Среди факторов дифференциации оплаты труда наемных работников квалификации и трудовому вкладу отводится незначительное место, что также не создает стимулов к инновационному поведению.

О значительном ухудшении социального статуса наемных работников свидетельствуют тревожные тенденции в области производственного травматизма. «Наблюдаемое снижение официально регистрируемых уровней производственного травматизма в России, в т.ч. и со смертельным исходом, при одновременном росте доли работников, занятых во вредных и опасных условиях труда, на тяжелых работах и при увеличении средней длительности больничного листа по причине производственной травмы, дает основания полагать, что значительная часть несчастных случаев на производстве скрывается от регистрации и учета», — отмечается в «Докладе о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 год». Такой вывод сделан на основании данных, свидетельствующих, что регистрируемая частота несчастных случаев на производстве в России в 10–15 раз ниже, чем в странах Евросоюза, но при этом травматизм со смертельным исходом, который невозможно скрыть, выше в 3–7 раз. При этом в сокрытии травматизма и заболеваемости зачастую заинтересованы и сами работники. Поскольку нередко значительная часть зарплаты выплачивается по «серым» схемам, а то и просто «в конверте», работники получают оплату больничного, исчисленную только по официальной ставке, которая существенно ниже [3, 75–76].

В значительной мере распалась система воспроизводства рабочих кадров. В стране резко упал реальный спрос на квалифицированный труд при постоянно заявляемой значительной потребности в нем. Резко деградировала система начального профессионального образования. Бизнес не желает вкладываться в подготовку кадров ни путем прямого финансирования, ни косвенно, через лоббирование соответствующих приоритетов в государственном бюджете. В результате происходит ослабление массовой среды, необходимой для имплантации инноваций и генерирования потребности в них.

В составе класса наемных работников такая социально-профессиональная группа, как исследователи и разработчики, сталкивается не только с низким престижем труда вообще, и научного труда — в частности. Остается недостаточной оплата научно-технического персонала. Хотя положение в этой области постепенно исправляется, это исправление затронуло только самые высокостатусные слои в данной группе. Слабая материальная оснащенность исследовательской базы так же начала преодолевать, но не повсеместно и в недостаточной мере. В результате в сфере исследований и разработок не происходит нормального воспроизводства кадров — молодежь не идет в профессии, где начальные ставки заработной платы не намного превышают прожиточный минимум. Кроме того, сказывается и отсутствие значительных перспектив реализации научных идей. Все это ведет к искажению возрастной структуры исследовательского персонала в пользу старших возрастов.

Тревожной является сложившаяся в последние годы тенденция к формализации оценки деятельности ученых, занятых фундаментальными исследованиями, и требование коммерциализации научного процесса в условиях, когда даже для прикладных разработок коммерческие перспективы крайне ограничены. При этом претензии в низком уровне инновационного менеджмента обращаются почему-то к ученым, а не к менеджерам. Именно ученых делают ответственными за коммерчески эффективную ориентацию исследований, а подчас и за их коммерческую реализацию. Или негласно подразумевается, что предприниматели и менеджеры по определению не желают

никаких инноваций, да и ничего не могут смыслить в инновационном процессе, и надеяться на них бессмысленно?

Нельзя обойти стороной и такую социально-профессиональную группу, как государственные служащие. Их отношение к инновационной деятельности достаточно прозрачно. Поскольку инновационная активность на деле не является приоритетом государственной политики, постольку и не существует никаких механизмов ответственности государственных служащих перед вышестоящими чиновниками за уровень инновационного развития. Соответственно, на федеральном уровне большинство государственных чиновников не воспринимает всерьез задачу формирования системы мер по ограничению неинновационных источников экономического роста и поощрению инновационных, по перераспределению финансовых потоков в пользу инновационной деятельности. В то же время заведомо неэффективная с точки зрения инновационного развития модель экономической политики (структура налогообложения, распределение бюджета и т.д.) остается еще без изменения.

Созданные вроде бы, в том числе, и для активизации инновационной деятельности госкорпорации очевидно не справляются с этой задачей. Стоит обратить внимание на тот факт, что еще в процессе формирования этих госкорпораций их статус конструировался таким образом, чтобы облегчить присвоение и вывод за рамки госкорпораций рентного дохода чиновников, формирующегося за счет средств государственного бюджета, что с успехом и осуществляется [10].

Итак, можно констатировать, что современная российская экономическая модель порождает социальные последствия, которые во многих отношениях выступают как факторы торможения инвестиционного процесса, дополняющие негативные свойства самой экономической модели [8, 7–24]. В последние годы происходит некоторая компенсация этих неблагоприятных факторов по ряду направлений (скажем, опережающий рост зарплаты в сфере просвещения и здравоохранения). Однако эти позитивные моменты пока не в силах переломить общей неблагоприятной для инновационного развития социальной обстановки.

Литература

1. Где и как живут «рассерженные» горожане и «счастливые» крестьяне // Российская газета. — 2012. — 14 марта.
2. Дзарасов Р.С., Новоженев Д.В. Крупный бизнес и накопление капитала в Современной России. — М.: Едиториал УРСС, 2005.
3. Доклад о человеческом развитии в Российской Федерации за 2013 г. / Под общ. ред. С.Н. Бобылева — М.: ООО «РА ИЛЬФ», 2013.
4. Заработная плата в России: эволюция и дифференциация / Под ред. В. Гимпельсона, Р. Капелюшникова. — М.: ГУ ВШЭ, 2007.
5. Индикаторы образования: 2008. Статистический сборник. М.: ГУ-ВШЭ, 2008.
6. Карасева Л.А., Охрименко А.А. Инновационное развитие высшего образования России как условие обеспечения его конкурентоспособности // Развитие процесса интеграции высшего образования России на основе Болонских принципов. Всерос. науч.-практ. конф. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова, Экономический факультет, 26 ноября 2009 г. Доклады и тезисы выступлений. — М.: МАКС Пресс, 2009.
7. Колганов А.И. Формирование национальной инновационной системы России: возможности и объективные ограничения // Экономические и институциональные условия перехода к инновационному развитию российской экономики. — М.: МАКС Пресс, 2004.
8. Колганов А.И. Эволюция экономических институтов в период рыночных реформ и ее влияние на инновационный процесс // Роль институциональных структур российской экономики в инновационном процессе / Под ред. д.э.н. А.И.Колганова. — М.: РГ-Пресс, 2013.
9. Российский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник / Росстат. — М.: 2011.
10. Соколов А.А. Влияние рентаориентированного поведения на инвестиции российских государственных корпораций: автореферат дисс. на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Центр. экон.-мат. ин-т РАН. — М, 2013. — 26 с.
11. Социальное положение и уровень жизни населения России: Статистический сборник. — М.: Госкомстат России, 1997.
12. Социальное положение и уровень жизни населения России. М.: Госкомстат России, 2001.
13. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: Статистический сборник / Росстат. — М.: 2011.
14. Тарко А. История с демографией. Анализ демографических параметров российских регионов // Свободная мысль. — 2013. — № 5 (1641).
15. Токсанбаева М.С. Социально-экономические факторы воспроизводства трудового потенциала в современной России: Автореф. дисс. ... на соискание ученой степени доктора экономических наук по спец. 08.00.05. — М., 2007.
16. Уровень и образ жизни населения России в 1989–2009 годах. Доклад к XII Международной научной конференции Высшей школы экономики по проблемам развития экономики и общества, 5–7 апреля 2011 года. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.
17. База данных Фонда Общественное мнение. Опрос населения 08.11.2007. Что такое «справедливое общество»? http://bd.fom.ru/report/cat/socium/val_/d074523
18. Беглова Е. И. Роль заработной платы в стратегии сокращения бедности // Проблемы современной экономики. — 2011. — №3(39) <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3685>

19. Краткие итоги выборочного обследования «Влияние поведенческих факторов на состояние здоровья населения. — М.: Росстат, 2009. URL: http://www.gks.ru/free_doc/2008/demo/zdr08.htm (дата обращения: 5.10.2012).
20. Крюченко Н.Н. Бестарифная система оплаты труда персонала как фактор повышения конкурентоспособности промышленного предприятия. Автореферат дисс. ...канд. экон. наук. — Новороссийск, 2009. [электронный ресурс] <http://www.disscat.com/content/bestarifnaya-sistema-oplaty-truda-personala-kak-faktor-povysheniya-konkurentosposobnosti-pro>
21. Форма 1-ДДК за 2010 год / Сайт Федеральной Налоговой службы РФ [электронный ресурс] http://www.nalog.ru/html/docs/svot/1ddk_2010.xls
22. Форма 5-НДФЛ за 2009 год / Сайт Федеральной Налоговой службы РФ [электронный ресурс] http://www.nalog.ru/html/docs/svot/5ndfl_2009.xls
23. <http://www.zdrav.ru/articles/practice/detail.php?ID=76491>
24. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/bednost/tab1/1-2-6.htm
25. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo25.xls
26. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/demo26.xls
27. http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/urov/urov_32kv.htm
28. <http://www.nalog.ru/opendata/7707329152-1ddk/data-1-structure-1.csv>
29. <http://www.nalog.ru/opendata/7707329152-5ndfl/data-1-structure-1.csv>
30. http://www.ng.ru/economics/2012-11-16/4_minzdrav.html

ИННОВАЦИОННАЯ ИНЕРТНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ: УГРОЗЫ И ВЫЗОВЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

М.С. Астапенко,

аспирант кафедры государственного и муниципального управления
Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (МЭСИ)
Max.91@live.ru

В статье рассмотрены источники угроз национальной безопасности России в области экономики, проведен анализ наиболее важных проблем, препятствующих развитию науки, техники и высоких технологий в России. Намечены пути решения задач обеспечения национальной безопасности за счет экономического роста по основным направлениям инновационного (научно-технического) развития.

Ключевые слова: государственная стратегия национальной безопасности, инновационное торможение, угрозы национальной безопасности, инновации.

УДК 338.242.4

Происходящие в глобальном мире процессы остро влияют на развитие мирового хозяйства, в частности, на международные политические и экономические отношения. Формируются новые угрозы и риски для развития личности, общества и государства. Российское государство выступает гарантом независимости страны, её суверенитета, территориальной целостности, условием обеспечения устойчивого социально-экономического развития и полноценной жизнедеятельности общества.

Государственная стратегия в области обеспечения национальной безопасности исходит из возможных внешних и внутренних угроз социального, экономического, политического, техногенного, военного, экологического, информационного и иного характера, базируется на фундаментальных программах «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» и «Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года».

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» «национальная безопасность определяется как состояние защищённости личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, которое позволяет обеспечить конституционные права, свободы, достойные качество и уровень жизни граждан, суверенитет, территориальную целостность и устойчивое развитие Российской Федерации, оборону и безопасность государства» [1].

При этом «под угрозой национальной безопасности понимается прямая или косвенная возможность нанесения ущерба конституционным правам, свободам, достойному качеству и уровню жизни граждан, суверенитету и территориальной целостности, устойчивому развитию Российской Федерации, обороне и безопасности государства» [1].

В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» достаточно полно и подробно выявлены возможные угрозы национальной безопасности России, включая её военную и экономическую составляющие. Источниками угроз могут стать кризисы мировой и региональных финансово-банковских систем, усиление конкуренции в борьбе за дефицитные сырьевые, энергетические, водные и продовольственные ресурсы, отставание в развитии передовых технологических укладов, повышающие стратегические риски зависимости от изменения внешних факторов.

Сохранение экспортно-сырьевой модели развития национальной экономики в долгосрочной перспективе может привести к высокой зависимости от внешнеэкономической конъюнктуры, а именно принятию дискриминационных мер и усилению недобросовестной конкуренции в отношении России, а также кризисных явлений в мировой финансово-банковской системе, а это, в свою очередь, приведет к снижению конкурентоспособности.

Потеря контроля над национальными ресурсами, ухудшение состояния сырьевой базы промышленности и энергетики, дефицит топливно-энергетических, водных и биологических ресурсов, неравномерное развитие регионов и прогрессирующая нехватка квалифицированных кадров, низкая устойчивость и защищенность национальной финансовой системы, сохранение условий для коррупции и криминализации хозяйственно-финансовых отношений, а также незаконной миграции могут привести к потере независимости страны. Необходимо сосредоточиться:

- на развитии науки, технологий и образования;
- совершенствовании национальных инвестиционных и финансовых институтов в интересах достижения необходимо уровня безопасности в военной, оборонно-промышленной и международной сферах.